

Журнальные новости

перенесенъ въ качествѣ чувствующаго резонера въ одинъ изъ романовъ Бурже или М. Прево. Бителъ безъ всякихъ измѣненій могъ бы фигурировать въ нѣмецкихъ романахъ; Бузакій по собственно-му признанію—общеевропейскій декадентъ. Только два лица сохраняютъ черты, которыя указываютъ на ихъ происхождение и даютъ читателю опредѣленные этнографическія указанія. Одно—панъ Плавцкій, —нѣсколько каррикатурный типъ ничего недѣлающаго хвастуна-шляхтича; другое—старый панъ Зависловскій, хранящій традиціи польскаго магнатства, благородный и въ то же время нетерпимый, рѣдкій представитель умирающаго барства. Только эти два лица имѣютъ рѣзкія бытовыя и національныя черты; только ихъ и не коснулись тѣ вѣянія, которыя отняли у остальныхъ характерныя особенности извѣстной среды. Но старый панъ Зависловскій умираетъ и въ этой смерти можетъ быть надо видѣть символическое значеніе. Преобладающимъ типомъ среди остальныхъ лицъ является типъ декадента, человѣка «безъ догмата», который въ противоположность тому смѣлому стремленію къ одной цѣли, которое отличаетъ Поланецкаго, не имѣетъ цѣли и не видитъ смысла въ жизни.

Съ цѣлою серіей подобныхъ же непригодныхъ для жизни лицъ знакомитъ насъ г. Чеховъ въ рассказѣ «Три года», пачатомъ въ январской книжкѣ *Русской Мысли*. Это—тѣ же «хиурые люди», невротисты, люди съ болѣзненной чувствительностью и слабой волей, которые фигурировали въ прежнихъ рассказахъ того же автора. Для нихъ все въ жизни кажется неяснымъ, смутнымъ, непонятнымъ, все полно противорѣчій, препятствій и неожиданностей. Неприспособленные и не могущіе приспособиться къ жизни, они останавливаются въ мучитель-

номъ недоумѣніи предъ каждымъ шагомъ, потому что все для нихъ принимается форму неразрѣшимой загадки. Въ рассказѣ пока нѣтъ другихъ лицъ и зрѣлище снующихъ безъ дѣла и цѣли, страдающихъ отъ собственной неуѣлости и собственныхъ ошибокъ людей сильно утомляетъ читателя. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является купеческій сынъ Лаптевъ, окончившій университетъ, читающій и пишущій «умственные интересы». Безконечныя сомнѣнія терзаютъ его постоянно; онъ видитъ подкладку каждого человѣческаго дѣйствія и находитъ въ ней такое противорѣчіе съ кажущимися мотивами поступка, что всякое очарованіе исчезаетъ и онъ не можетъ жить какъ другіе. Онъ терзается, слыша отъ казъ любимой дѣвушки, и чувствуетъ еще большее страданіе, получая ея согласіе; мысль о томъ, что оно вызвано расчетомъ, отравляетъ его существованіе. Слыша отъ приказчиковъ отца поздравленія съ законнымъ бракомъ, онъ также терзается мыслью, что все это насильственное, напускное, показное, что въ дѣйствительности служащіе должны ненавидѣть его, какъ и отца. Онъ не знаетъ какъ поступать, но въ его умѣ шевелится смутное сознаніе, какъ поступать не должно. Совершенно независимо отъ него поступки его идутъ всегда наперекоръ этому сознанію. Отсюда постоянный источникъ мученій, терзаній, неуверенности въ себѣ, въ справедливости своего мнѣнія, въ цѣлесообразности своихъ дѣйствій. Лаптевъ представляетъ изъ себя нѣчто въ родѣ того доктора, который описанъ тѣмъ же авторомъ въ рассказѣ «Непріятность». Мучительное сознаніе несоотвѣстности своихъ поступковъ съ душевными стремленіями наполняетъ всю его жизнь.

Для остальныхъ лицъ рассказа все въ жизни такъ же безтолково, сбивчиво, смутно и запутанно, какъ и для Лапте-

ва. Невѣста его до сихъ поръ мало очерчена; но гдѣ авторъ болѣе подробно останавливается на ея душевномъ состояніи, тамъ выступаетъ тотъ же страхъ передъ рѣшительнымъ шагомъ, который проходитъ красной нитью черезъ всю жизнь Лантева. Лучше всего сомнѣнія обонхъ героев обрисованы въ сценѣ любовнаго объясненія. Тотчасъ послѣ признанія другъ другу въ любви они оба расканваются въ этомъ: «Она отошла къ окну, боясь этихъ ласкъ, и уже оба сожалѣли, что объяснились, и въ смущеніи спрашивали себя: зачѣмъ это произошло?—Если бы вы знали, какъ я несчастна!—проговорила она, сжимая руки»... Она несчастна, потому что приняла определенное рѣшеніе; если бы это рѣшеніе было совершенно противоположно, то она была бы не менѣе несчастна, потому что какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ она мучилась бы мыслью о томъ, хорошо ли она поступила. Нѣсколько отличный, но столь же болѣзненный типъ выведенъ авторомъ въ лицѣ учительницы Разсудиной. Всѣ эти лица несомнѣнно жизненны: болѣзненная чувствительность, односторонне направленная аналитическая способность и слабая воля встрѣчаются теперь постоянно, хотя быть можетъ и не всегда такъ рѣзко, какъ въ рассказѣ г. Чехова. Глубоко несчастные лично, эти люди въ общественномъ смыслѣ довольно безвредны. Но рядомъ съ ними авторъ намѣчаетъ другихъ вполне современныхъ лицъ, которые за отсутствіемъ общественныхъ интересовъ стремятся заполнить душевную пустоту интересами вымышленными и небезвредными. Одно изъ дѣйствующихъ лицъ рассказа такъ характеризуетъ этихъ русскіхъ декадентовъ: «Теперь у русскихъ интеллигентныхъ людей мода напускать на себя мистицизмъ, мракобѣіе, бурбонство и умственное убожество, и многіе даже измѣняютъ голосъ и походку, чтобы толь-

ко казаться грубыми и тяжелыми... Я замѣтилъ, что все то, что непонятно, неясно, смутно, недосказано,—все эти господства вала въ одну кучу и получается страшная каша. Если кто изъ нашей братіи занимается спаритизмомъ или магнетизмомъ, тотъ ужъ непременно к гомеопатіи, к метафизикѣ, к символистѣ, вѣруетъ въ три свѣчи и въ тринадцатое число, ругаетъ цивилизацію во имя китайца, о которомъ онъ понятія не имѣетъ, такъ какъ не былъ въ Китаѣ, и подавайте ему науку не иначе, какъ національную. Такое состояніе ума, конечно, не удовлетворяетъ, человекъ испытываетъ смутное недовольство собой, всегда онъ раздраженъ, озлобленъ и, одержимый духомъ противорѣчій, готовъ уже просто изъ самолюбія увѣрить, что идеалы русскаго человека—въ небыти, въ розгахъ, въ нищетѣ»... Таковы лица, фигурирующие въ рассказѣ г. Чехова. Что создаетъ такихъ людей, какія стороны современной жизни способствуютъ извращенію чувствъ, мыслей и всей духовной стороны современныхъ людей, — этого авторъ не касается. На ряду съ такими лицами, пожалуй, даже Поланецкій можетъ быть признанъ положительнымъ типомъ; онъ по крайней мѣрѣ здоровъ, силенъ, полонъ молодой смѣлости, онъ мыслитъ и дѣйствуетъ.

Совершенно другая среда, другія мысли и интересы описываются г. Маминимъ-Сибирякомъ въ романѣ «Хлѣбъ», помещенномъ въ той же книгѣ *Русской Мысли*. Это картины изъ жизни Урала съ такими же своеобразными типами, характерами и обычаями, какъ своеобразна природа этой мѣстности. Эта необычность выступаетъ предъ читателемъ уже съ самаго начала романа, гдѣ фигурируетъ странный типъ богатѣйшаго купца, который безъ всякой видной цѣли принимаетъ видъ бродяги, путешествуетъ сотни верстъ пешкомъ, а

Д. М.